

*Инна
Бачинская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Ошибка бога времени
Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц

Сериал «Детективный триумвират»

Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно

Сериал «Дикие лебеди»

Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага

Сериал «Королевская охота»

Японский парфюмер
Два путника в ночи

*Инна
Бачинская*

Две половинки
райского яблока

Москва

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Две половинки райского яблока : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-699-80656-0

Наташа Устинова неожиданно для себя купила в странном магазине «Астарт» куклу-ведьму и, разочаровавшись в жизни и в любви, попросила ее о помощи. Ведьма... помогла: Наташа бросила опостылевшую работу в банке и устроилась переводчицей к таинственному иностранцу Джузеппе Романо. Он якобы приехал в Россию, чтобы посетить свое родовое гнездо — поместье Якушких, и только ближайшее окружение итальянца знало истинную цель его визита. На самом деле он собирался найти некий загадочный артефакт, которым, по легенде, владел его предок, масон Лев Якушкин. Что это за предмет, никто толком не представлял, известно было лишь одно — он обладал необыкновенной магической силой. Конечно, не один Романо догадывался о его существовании — в город съехались и другие охотники за сокровищами. Именно поэтому Джузеппе обратился к Наташе — ей отводилась в поисках особая роль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80656-0

© Бачинская И.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Все действующие лица и события романа вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

...Ведьмовство, сатанизм, демономания, колдовство, магия черная, магия белая, зеленая... Многие считают, что в наш просвещенный век нам, продвинутым жителям планеты Земля, побывавшим на Луне и приобретающим туристические путевки в космос, вся эта чертовщина вроде бы и ни к чему...

«Магия Запада».

Леонард Малевин

Глава 1 Счастливого Хеллоуина!

Новая эпоха — новые праздники. Сначала как бы случайно, в рамках кросс-культурных связей, ах, мы так похожи, они — открытые добрые простые люди, мы — тоже, дружба навеки, границы не сегодня завтра снесут, визы отменят, и все вместе — к победе сияющих вершин глобализма. Нет, не так... к сияющим вершинам победы глобализма! Или нет! К сияющей победе... Да ладно, и так ясно. И Хеллоуин — милашка-страшилка, у-у-у! Маски вампиров, носатых ведьм в колпаках, пляшущих скелетов производства вездесущего Китая, чуткого к мировой конъюнктуре, — мы только подумали, а Китай уже изобрел, произвел и заполнил полки магазинов, причем по доступным ценам, посылая в нокдаун неповоротливого отечественного производителя. Пользуйтесь на здоровье!

Я стояла в полутемном подъезде собственного дома, вертя в руках открытку, на которой черным по белому, то есть по желтому, было написано, что Наташа Устинова (это я) *«приглашается на предхеллоуинскую распродажу сувениров, магических принадлежностей и др. предметов в магазин «Астарта», имеющую ме-*

сто быть 13 октября с.г. Адрес магазина: ул. Н. В. Гоголя, 13. Часы работы: с 10 до 22. Просьба стучать. Счастливого Хеллоуина, Наташа Устинова!»

Первой реакцией на приглашение была оторопь, второй – вышеприведенные раздумья о новой эпохе, третьей... снова оторопь. Во-первых, почему «Наташа»? А не «Наталья»? Я ведь не публичная фигура, которую можно так запросто... Ну, что-нибудь вроде: «Сегодня мы принимаем у себя замечательную актрису, певицу, художника-модельера и мецената Наташу (допустим) Буреломову». Ее – можно, меня... нет, кажется. Во всяком случае, до сих пор я была Наталья Васильевна, или Наталья, или госпожа Устинова, работник Банковского союза. Можно не уточнять, что была я там маленьким винтиком, незаметным белым воротничком. Если пойти еще дальше по пути самокритики, то жалким клерком, из тех, которых пруд пруди в романах критического реалиста Чарлза Диккенса – предмета моей дипломной работы тысячу лет назад.

Да... Кажется, я несколько отвлеклась. Наташей меня называют только свои. *Он* тоже называл меня Наташа... в самом начале, один день всего, а потом придумал другое имя, «штучное», как и все, что его окружало... Ну да ладно, чего уж теперь... И это получалось у *него* удивительно... удивительно мягко... *Он* смотрел мне в глаза, светло улыбаясь, и повторял, словно пробовал на вкус: «Наташа... Наташа...», а я горела щеками и ушами, внимая волшебному звуку его голоса, и таяла, таяла, таяла... Мы оба сидели в укромном уголке самого крутого ресторана города «Английский клуб», в котором *он* был завсегдатаем, а я – попала в первый раз в жизни. И в последний, как оказалось.

Посещение ресторана проходило под пунктом первым в процедуре охмуряжа, как объяснила мне моя опытная коллега Зинаида Яковенко, самая большая сплетница в нашем учреждении.

– Скажи спасибо, что в «Английский клуб», а не в «Тутси», куда *он* водил Ленку Репкину или Лариску из администрации.

Не президента, а союза. Администрации нашего Банковского союза, где я работаю, уже почти год. «Английский клуб» — это все-таки статус и признание.

— Можешь гордиться, — сказала Зинаида. — Кстати, как там, в «Английском клубе»? Устрицы, рябчики, шампанское рекой и цыгане? В отдельном кабинете?

Лицо Зинаиды выражало вдохновение. Она била копытом от нетерпения разнести новость по отделам, присочинив про отдельный кабинет, шампанское из тужельки прекрасной дамы и табор цыган.

— Цыган не было, — сказала я. — Играли классику — Вивальди, Моцарта...

Зинаида мне, разумеется, не поверила. То есть не то чтобы не поверила, а пропустила мимо ушей. Отрываться нужно с цыганами и шампанским из тужельки, в лучших традициях денежных мешков. Хорошо еще, если присутствует дрессированный медведь или какой-нибудь другой зверь, пантера, например, на поводке со стразами. Одним словом, сделайте нам красиво. Она взглянула на мои туфли, и на лице ее появилось выражение, которое читалось как «надеюсь, на тебе были другие туфли!».

Я вздохнула и прислонилась к облупленной стене лестничной площадки. На мне было офигительное, как называет этот стиль моя школьная подруга Татьяна Сидорова, платье, которое она же мне и одолжила, и туфли, стоящие целого состояния (понимай — полторы зарплаты), — из черной замши, остроносые, на тонком каблукке — произведение искусства, а не туфли. Я помню, как взяла их в руки — сердце замерло на долгий миг и вдруг понеслось вскачь. Тоненький мальчик опустился передо мной на колени — дело было в «Пассаже», где такие спектакли предусмотрены внутренним распорядком и входят в цену продукта, снял с моих ног не новые, но довольно приличные еще осенние туфли, надел это замшевое чудо, и... и... мы оба замерли от неземной красоты. Можно тысячу раз быть выше *этого*, подразумевая под

«этим» дорогие вещи, дорогие украшения и дорогие рестораны... Зелен виноград! Эх, были б деньги! Оказывается, в мире полно прекрасных вещей, причем не в журналах или на выставках, а в магазинах и бутиках. Бери — не хочу! Одна маленькая, но существенная деталь — презренный металл. Вернее, его недостаток. Замшевое чудо, как я уже упоминала, обошлось мне в полторы зарплаты.

Я никогда не понимала страсти коллекционеров... Однажды некий инженер Стульчиков, приличный с виду человек, в летах, украл у моего соседа Виктора Семеновича редкую почтовую марку, когда тот по неосторожности оставил его наедине с альбомом, а сам пошел на кухню попить воды. «Не понимаю! — кричал потом Виктор Семенович, потрясая тощими кулачками. — Как он мог? Марка — единственный экземпляр в городе... В стране их всего шесть. О чем он думал? Ведь все знают, что марка моя! Идиот!»

Я не знаю, о чем думал идиот Стульчиков, но я прекрасно помню, о чем думала я... Не подумайте, что я хотела украсть туфли, нет! Но в ту минуту, рассматривая свои изумительно красивые ноги, я поняла Стульчикова: страсть завладеть маркой помутила его сознание и толкнула на безумный поступок. Я, как инженер Стульчиков, тоже совершила безумный поступок, обьятая страстью. Я купила эти туфли! Принесла домой, вынула из коробки. Поставила на стол. Даже не сняв пальто, уселась на диван. Последний раз я испытывала подобный восторг лет... неважно сколько назад, в первом классе школы, когда родители подарили мне красную курточку с молниями вдоль и поперек.

На другой день после приобретения туфель я просто свети-лась, и, наверное, поэтому меня заметил наш притча во языцех, наш донжуан и плейбой Георгий Кириллович Андрус, генеральный директор Союза. Между нами, девочками, — Наш Жора. Бабник с той еще репутацией. Лощеный красавчик, пребывающий в прекрасном расположении духа, вызванном отличным пищеварением, безукоризненным здоровьем и удовлетворенными по-

требностями, в том числе сексуальными, что достигается наличием известного количества денег. Справедливости ради необходимо заметить, что Жора был далеко не глуп, образован и даже начитан. Он не был гротескным полуграмотным новым русским из анекдота со всякими корявыми словечками. Нет, Наш Жора был из тех, кто тратит деньги не только на физические потребности, но и на духовные, вроде фильмов культовых Альмодовара и Кустурицы, компактв с классической музыкой и хороших книг, которые он действительно читал и мог внятно выразить, что ему в них понравилось или не понравилось. Не забыть море обаяния. Из чего следует, что Наш Жора был незаурядным человеком. Ну а женщины... это особая статья. С женщинами все ясно. Когда этот небожитель спустился с небес — со своего четвертого этажа, заглядывая к нам, улыбаясь и благоухая бесценными туалетными водами, интересовался, как мы... вообще, то да се, — стон стоял кругом!

Зачем он это делал? Исполнительный директор был хам из хамов, заведующие отделами надували щеки и презирали нижестоящих, и только Наш Жора... Зачем? Ах, зачем? Да очень просто — Жоре нравилось быть любимым и желанным. Особенно сильно это чувствуется в окружении женщин, разумеется, а о том, что работали у нас в основном женщины, даже не стоит упоминать. Мы были той самой свитой, которая играет короля.

Орлиным взглядом Жора выхватывал из толпы новое женское лицо. Со всеми вытекающими последствиями, если лицо это было молодым и привлекательным. Я не хочу сказать, упаси боже, что тут же начиналось давление, преследования, ультиматумы... нет! Ничего такого не было и в помине. Он просил зав. отделом прислать ему новенькую с каким-нибудь пустяковым документом... и так далее. Если бы новенькая отказалась нести документ, Жора только плечами пожал бы: «Чудачка!» Но обычно никто не отказывался. Ни одна из нас не стояла насмерть, защищая свою честь от посягательств Жоры. Наоборот, бежала вприпрыжку, а потом,

сияя глазками, делилась подробностями. Времена, когда можно было написать «кто честной бедности своей стыдится и все прочее, тот самый жалкий из людей...», миновали. Мы не то чтобы стыдились своей бедности, но и гордиться особенно было нечем. А мораль и бедность не всегда идут рука об руку. Туфли за полторы зарплаты хоть и поднимали самооценку, но заставляли вспомнить, что неплохо бы к ним еще и платье, и пальто, а то и шубу.

Жора не был жаден, и очередная облакванная на другой день появлялась на работе в новом платье, с новым колечком или серьгами.

Короче говоря, на следующий день после исторической покупки Жора меня заметил. Со всеми вытекающими последствиями. А что бы вы сделали на моем месте? Я пошла, разумеется, но выждала перед тем пятнадцать минут, которые просидела как на иголках. Девочки бросали на меня нетерпеливые взгляды, а Зинка наконец рявкнула: «Да пойдешь ты или нет, в конце концов! Ведь ждет!», выразив тем самым настроение масс.

Жора включил все свое обаяние. Он поднялся мне навстречу, улыбаясь, как родной. И глаза у него при этом были... Я, покраснев до ушей, но гордо вскинув голову, протянула ему документ, который он небрежно положил на письменный стол.

Интерьер Жориного кабинета впечатлял. Сияющий паркет, сияющая мебель, сияющие корешки книг в сделанных на заказ полках красного дерева, вид на парк из окна. Ну и всякие мелочи, вроде телефонов, плоского монитора «Сони», хрустального графина, серебряного стакана с карандашами. А также фигурки животных из малахита, розового кварца, лабрадорита — крошечные бычки, лягушки, пантеры. А также невероятно красивый земной шар на полированной деревянной подставке в углу, сработанный из натуральных полудрагоценных камней и заключенный в золотые ребра меридианов и параллелей — синие океаны, зеленые материки, белые пики гор.

Он усадил меня на кожаный диван... Даже самые записные сплетники твердо знали, что Наш Жора никогда ничего не позволяет себе на работе, хотя диван располагал к этому как нельзя более. Я утонула в этом диване, только острые коленки торчали. Поза неудобная, лишаящая человека последних крох уверенности в себе. И лишь мысль о том, что Жора никогда ничего себе не позволяет на этом диване, придавала мне сил. Жора поинтересовался, как мне работается...

Как мне работается? Я числюсь старшим экономистом, но в экономике у меня весьма небольшие познания, приобретенные на полугодичных курсах от биржи труда, так как работы по профилю они для меня не нашли. Наша организация называется Банковский союз, как я уже говорила, и является чем-то вроде профсоюза банкиров. В мою обязанность входит оформление писем первым лицам страны вплоть до премьер-министра и даже президента с разными дельными предложениями, которые родил наш союз на основании писем и жалоб директоров банков. Дельные предложения касаются возможных поправок к закону номер тра-та-та об усовершенствовании положения о банковских операциях тра-та-та, а также о введении поправки к закону тра-та-та... и так далее. Работа творческая, требующая полной отдачи и сосредоточенности, чтобы, упаси бог, не перепутать номер закона или фамилию адресата. Разумеется, составляю письма не я, а исполнительный совет союза, а я уже потом перевожу их на человеческий язык, перепечатаваю, делаю копии, подшиваю и складываю в архив: мы, на всякий пожарный, храним документы в двух архивах — электронном и печатном, а оригинал отправляю. Того, что платят за эту работу, мне хватает на общественный транспорт, еду и скромную одежду. Вот даже туфли купила...

Я ответила Жоре, что мне работается хорошо, спасибо. Работа нравится... Он, кажется, удивился — огонек интереса промелькнул в глазах. Не *известного толка* интереса, а вполне нормально. Я добавила, что это не совсем то, правда, к чему я себя гото-

вила. Не удержалась, выложив на стол единственный свой козырь — образование. Иняз — английский, немецкий, французский, — это придавало мне хоть какой-то блеск. А почему банк, спросил он. А потому, что переводчиков и учителей иностранных языков — пруд пруди, хорошие места без связей не обломятся... Школу, где я работала шесть лет, закрыли. Бюро технического перевода, которых еще недавно было, как грибов, осталось мало, и за работу почти не платят. Тем более я терпеть не могу технический перевод. И вот, пришлось стать экономистом. Старшим. Потому что просто экономистом у нас называется всякий курьер. Для солидности. Но получает при этом, как курьер.

А личная жизнь, спросил Жора участливо. Разумеется, а вот и голуби. Иначе зачем было огород городить. Не замужем?! Вернее, разведена. Бездетна. Если коротко...

Кофе, спросил Жора. Я кивнула. Вышколенная секретарша, без малейших следов кастового недовольствия от факта подачи кофе старшему экономисту с первого этажа, принесла поднос с кукольными серебряными чашечками, сахарницей, кувшинчиком со сливками. Запах хорошего кофе и ванильного печенья поплыл по кабинету. Жора сам разлил кофе, спросил, нужно ли класть сахар и сколько, и протянул мне чашечку. Кажется, у меня дрожали руки. Надеюсь, он этого не заметил. Не привыкла я распивать кофеи в кабинетах начальников. Хотя, казалось бы, ну, что здесь такого? Все люди — братья, и все равны. Правда, как сказано в одном произведении, — некоторые равнее других.

Мы допили кофе. Жора предложил еще по чашечке. Я отказалась. Мы сердечно распрощались. Жора проводил меня до дверей кабинета, и я с облегчением вышла. Секретарша отыгралась за унижение, притворившись, что не замечает меня. Я спускалась по лестнице, а не лифтом, чтобы хоть немного успокоиться. Лицо мое горело. Он не предложил мне встретиться, значит, я ему не понравилась. Вот о чем я думала, медленно спускаясь по ступенькам. Какая там честь! Если раньше и была мысль о том,

что Жора выбрал меня, как товар на базаре, и от этого — некоторое чувство унижения и как бы возмущения, то сейчас песочные часы перевернулись, и песок посыпался в обратную сторону: он меня не захотел! Это было еще унижительнее. А я ему, как дура, про иняз. Нашла чем хвастаться...

Пять пар горящих любопытством глаз встретили меня, как только я переступила порог нашей комнаты. Пять пар глаз и выжидательное молчание. Из чего я заключила, что перемывали кости мне, и никому другому. Под обстрелом их глаз, в полной тишине, я прошла к своему столу. Уселась за него.

— Ну? — не выдержала Зинка.

Я пожалала плечами — ничего особенного. Но народ, как в песне известного барда, волновался и требовал подробностей.

— Когда? — спросила Зинка.

Я снова пожалала плечами.

— Ни фига себе! — сказала Зинка. — Значит, будет звонить!

Оказывается, женщины, заинтересовавшие Нашего Жору, делятся на две категории: тех, с которыми договариваются сразу, ввиду их бросающейся в глаза доступности, и тех, кому звонят потом. Вторые котируются выше. Так что нашему отделу есть чем гордиться.

История любви прошла без сучка без задоринки, по накатанному сценарию. Не хочется и вспоминать... Ведь, даже когда знаешь все наперед, надеешься на чудо. Иначе и жить незачем. Ладно, проехали.

Я все еще стояла в парадном своего дома, держа в руке желтую почтовую открытку с приглашением на дурацкую распродажу всяких магических предметов. Зачем мне магические предметы, и на какие шиши я стала бы их покупать, приди мне в голову подобная дикая фантазия? Покупка туфель пробила изрядную брешь в моем бюджете, какие могут быть в данных обстоятель-

ствах магические предметы? И вообще, какая магия имеется в виду — белая или черная?

Откуда у них мой адрес, вдруг пришло мне в голову. Откуда они знают мою фамилию? Кто — они? А, какая разница! Вы меня на своей распродаже не дожидаетесь, и не надейтесь! А ваши магические предметы китайского производства мне и даром не нужны. Вот так.

Я отперла дверь родной квартиры, ощутила родное тепло и родные запахи. Какое счастье, что у меня есть дом! Моя крепость, куда можно забиться и делать все, что заблагорассудится. Смотреть до полного опупения телевизор, перебирать школьные фотографии или рыдать в подушку. Можно устроить постирушку или убрать в холодильник. Давно пора, кстати. Можно валяться на диване и вспоминать Нашего Жору, придумывая постфактум, так сказать, всякие красивые слова и темы для интеллектуальной беседы в промежутках между шампанским и сексом. Можно жаловаться на судьбу-злодейку... а толку?

Я не очень переживала развод с мужем — наш брак исчерпал себя задолго до финала в суде. Студенческие браки, как правило, недолговечны. Мой муж оказался маменькиным сынком и все время жаловался маме то на непришитую пуговицу, то на не купленный по причине моей забывчивости и занятости хлеб к обеду, то на отсутствие чистых носков. Кроме того, он был свято уверен в том, что домашняя работа бывает мужская и женская. Мужская — сходить на охоту, завалить зайца или наколоть дров. Остальное — женская. А если не нужны дрова ввиду наличия батарей центрального отопления и газовой плиты, и заяц тоже не нужен, то это уж как кому повезло. Историческая справедливость, плата за века охот, войн, походов и всяких других лишений. Пора и отдохнуть. За два года супружества во мне развился нехилый комплекс неполноценности. Заслышав шаги мужа на лестничной площадке, я лихорадочно засовывала под диван книжку, которую читала, мчалась в кухню, хватала нож и

принималась чистить картошку. Мой муж оказался сильнее меня, увы. А кроме того, у него перед глазами был такой вдохновляющий пример, как собственная матушка, которая и коня могла остановить при необходимости, и хлеб испечь, и дом построить. Как говорили злые языки, она и мужа поколачивала. Я его уже не застала, царствие ему небесное.

В один прекрасный день мне пришла в голову трезвая мысль: а дальше что? Муж хотел детей, вернее, его мама хотела. Я представила себе этих детей, аккуратно складывающих одежду, убирающих постель, чистящих зубы после каждого приема пищи... А сам «прием пищи»? Не завтрак или обед, безалаберный, как всегда у нас в доме – мои родители были заняты с утра до вечера, и все делалось на бегу, – а «прием пищи», происходящий в гробовом молчании на твердой от крахмала скатерти.

А уроки? Мои несчастные дети будут с утра до ночи корпеть над уроками и с тоской прислушиваться к крикам со двора других детишек, потому что придет папа и проверит, потому что папа хочет ими гордиться, потому что в детском возрасте лучше усваиваются иностранные языки... и вообще.

Меня трудно расшевелить, что правда, то правда, но если процесс расшевеления пошел, то ходу назад уже не будет. А всего-то и нужно было – сесть и подумать.

Потом все друзья и знакомые долго удивлялись: ах, почему, такая прекрасная пара, молодые, красивые, общие интересы... Ну, чего, спрашивается, не хватало? Какого рожна им, спрашивается, нужно?

Были еще два или три скоротечных романа, не задевших не то что души, а даже памяти.

А потом пришел Жора... Наш Жора. Пришел и ушел, мелькнул, как комета. Меня никогда не бросали, и я не подозревала, что это так больно. Я, кажется, начинала понимать женщин, стремглав бегущих на мосты от неразделенной любви и незна-